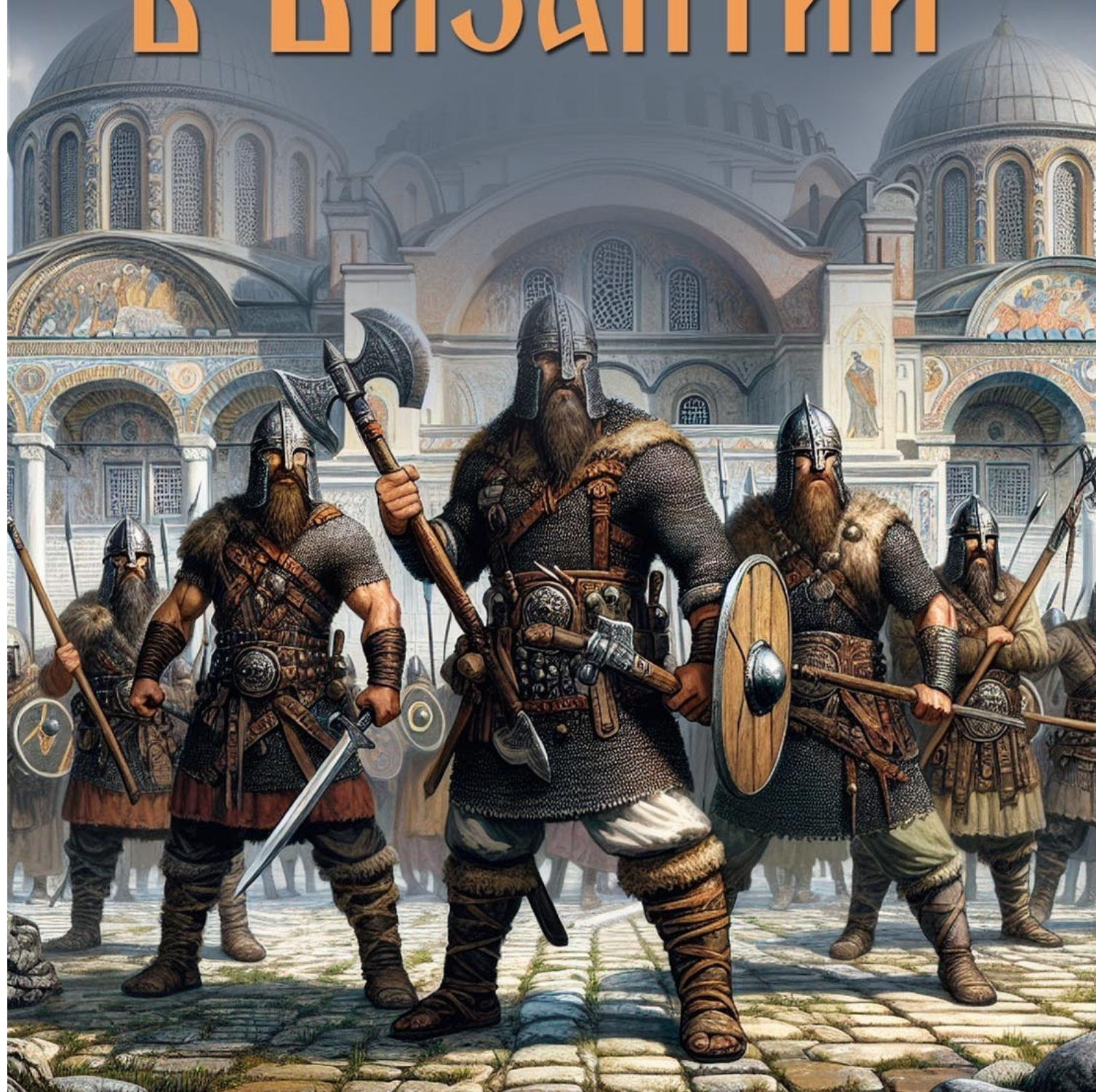

Василий Васильевский

Варяги в Византии

Нордический мир (Вече)

Василий Васильевский

Варяги в Византии.

**Варяго-русская и варяго-
английская дружина в
Константинополе XI и XII веков**

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4-9

Васильевский В. Г.

Варяги в Византии. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков / В. Г. Васильевский — «ВЕЧЕ», 2025 — (Нордический мир (Вече))

ISBN 978-5-4484-5281-9

Исследование первого русского историка-византиниста, одного из основателей Императорского православного палестинского общества профессора В. Г. Васильевского (1838–1899) представляет собой серьезную попытку пролить свет на вопросы происхождения термина «варяги». Рассматривая эту актуальную и сегодня тему, ученый обращается ко множеству свидетельств византийских хроник, славянских летописей и скандинавских саг. Именно труд Васильевского вызвал бурную полемику и привлек общественное внимание к важной теме русско-византийских отношений. Работа впервые публикуется в современной орфографии. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4-9

ISBN 978-5-4484-5281-9

© Васильевский В. Г., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Отец русского византиеведения	6
Предисловие к изданию 1908 г.	12
Глава I. Положение вопроса о византийских варангах и источники для его решения	14
Глава II. Варяги, отправленные в Константинополь Владимиром, и первые свидетельства исландских саг о норманнах, вступивших в варяжскую дружину	18
Глава III. Шеститысячный русский корпус в Константинополе в 988 году	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Василий Григорьевич Васильевский **Варяги в Византии. Варяго-русская** **и варяго-английская дружина в** **Константинополе XI и XII веков**

© Сеничев В. Е., составление, предисловие, комментарии, 2025

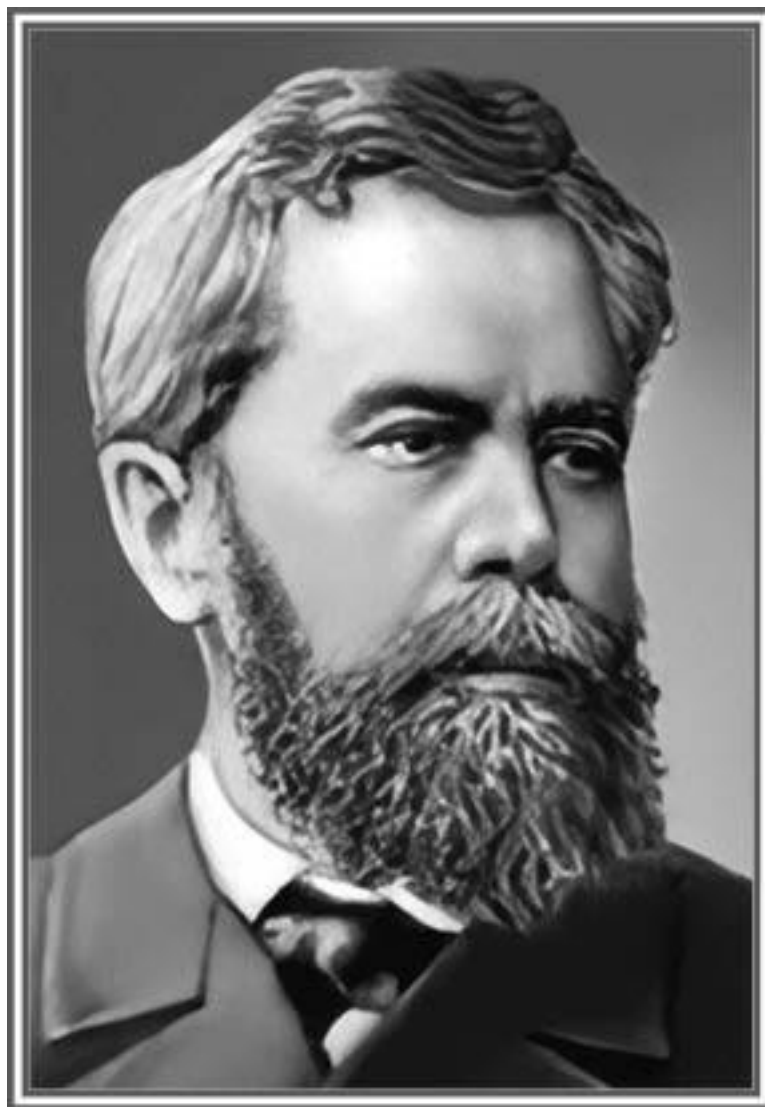
© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2025

Отец русского византиеведения

Василий Григорьевич Васильевский родился 21 января 1838 года в Ярославской губернии в семье сельского священника. Поступив в Ярославскую духовную семинарию в 1852 г. и проучившись в ней четыре года, продолжил образование сначала в Главном педагогическом институте Петербурга. Впрочем, после того, как институт в 1859 году был расформирован, молодому человеку пришлось для завершения образования перевестись на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Здесь он стал регулярным слушателем одного из основоположников русской исторической филологии профессора И. И. Срезневского, профессора римской словесности Н. М. Благовещенского и профессора М. М. Стасюлевича – историка, специализировавшегося на Древней Греции и Средних веках.

Общение с этими выдающимися умами позволило Васильевскому не только окончить историческое отделение, но и поступить затем на Высшие педагогические курсы при нем. В 1862 году Васильевского отправляют в командировку за границу, в Германию. В Берлинском университете имени Фридриха Вильгельма (ныне Университет имени Гумбольдта) он слушает лекции молодого историка Теодора Моммзена, к тому моменту только-только завершившего работу над тремя томами фундаментального труда «Римская история», за который в 1902 году он получит Нобелевскую премию. Вторым берлинским наставником Васильевского становится Иоганн Густав Дройзен, основатель научного эллинизма, переводчик Эсхила и Аристофана, автор «Истории Александра Великого». После Берлина Василий Григорьевич отправляется в Йену, где слушает лекции историка раннего христианства Адольфа Шмидта. По возвращении в Россию к 1865 году Васильевский подготовил магистерскую диссертацию «Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка»¹.

¹ Баршнов Д. А., Ростовцев Е. А. Васильевский Василий Григорьевич. Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. СПб., 2012.

В. Г. Васильевский

Жить на скудную стипендию и заниматься наукой в те годы, как и почти всегда, было непросто. В 1867 году, чтобы поправить финансовое положение, Васильевский работает преподавателем сначала в 6-й Санкт-Петербургской гимназии, затем в гимназии Новгорода, а вскоре перебирается в Вильно, где одновременно с преподаванием в Виленской классической гимназии пишет «Очерк истории города Вильны», привлекая все доступные ему архивные материалы. В 1868 году он наконец защищает магистерскую диссертацию и в 1870-м становится доцентом Санкт-Петербургского университета по кафедре Средних веков. С этого момента исследовательская деятельность Василия Григорьевича сосредотачивается на истории Восточной Римской империи – Византии. Первый спецкурс, прочитанный Васильевским, был посвящен обозрению источников по истории Крестовых походов. Подход к изучению темы и методика ее изложения студентам были избраны таким образом, что в центре внимания лектора оказывались Византия и страны и народы Восточной Европы и Балканского полуострова.

Перу В. Г. Васильевского принадлежит целый ряд исследований по малоизученным на тот момент вопросам византийской истории, многие из которых публиковались в «Журнале Министерства народного просвещения». Среди его сочинений стоит выделить исследование по истории иконоборчества VIII–IX веков – одного из самых мрачных периодов в истории Византийской империи, анализ «Советов и рассказов византийского боярина» – произведения византийской литературы XI века, написанное в жанре поучения от лица полководца Кекав-

мена, но, вероятнее всего, не им самим, а также труд «Византия и печенеги», исследующий взаимодействие Империи и Степи в XI–XII веках.

Вслед за темой взаимоотношений Константинополя и Степи Васильевский обращается к теме отношений с Русью. Его работа, озаглавленная «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веках», ныне представлена в этой книге. Она представляет собой серьезную попытку пролить свет на происхождение термина «варяги» на основании свидетельств византийских хроник, славянских летописей и скандинавских саг. Труд Васильевского ставит тему русско-византийских отношений в число приоритетных для всей русской исторической мысли, выводит ее в общественное поле. Изучение этой темы он считал научным долгом русских византинистов по двум главным причинам: во-первых, так как Византия оказала огромное влияние на все стороны жизни Руси и, во-вторых, поскольку данная тема (и вообще история Византии) более доступна православным людям славянского происхождения, ибо связана с самим «русским самосознанием»².

Приступая к работе над темой варяжской дружины, Васильевский подчеркивал, что не считает себя ни норманистом, ни антинорманистом, однако на основе изученных материалов делает три фундаментальных вывода по рассматриваемой проблеме:

- имя «варягов» становится известно в Византии с 980 года, что связано с прибытием в империю дружины, изгнанной из Киева за бунт;
- византийцы с самого начала разделяют слова «варяги» и «русь», не смешивая их между собой;
- в XI столетии русь была, безусловно, славянским этнонимом.

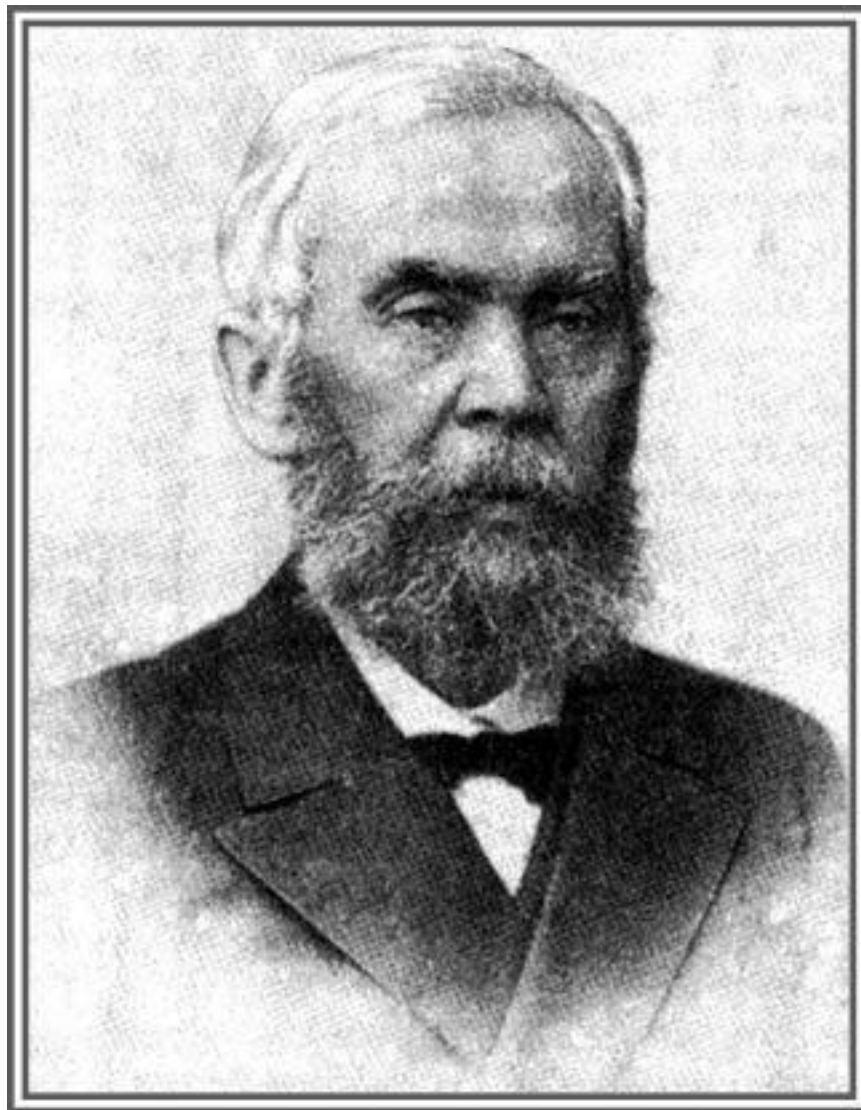
Его небольшое исследование, несмотря на скромно очерченную цель, приведенную выше оговорку о «некомпетентности» и о намерении проверить расхожие мнения свидетельствами византийских современников, произвело в тогдашнем научном мире сенсацию. Стремясь охватить как можно более широкий круг доступных ему источников, Васильевский привлек материалы по истории Кавказа, Англии, Италии и Франции, сопоставляя сообщения о варягах с данными византийских, русских и скандинавских источников. Проведя их критический анализ, он доказал, что скальдические песни являются не просто ценным историческим источником, но даже и более достоверны, чем сами саги, в которых описанные события могут следовать легендарному канону.

Само имя руси как этноним Василий Григорьевич доказательно считает пришедшим от северных германцев, но полагает, что к X веку оно стало означать именно восточнославянское государство, которое «успело консолидироваться еще до прихода скандинавов». Варяжский же корпус в Византии он небезосновательно считает сборным войском, в составе которого в конечном итоге оказались и славяне, и скандинавы, и германцы, и англосаксы, потерпевшие поражение от Вильгельма Норманнского в 1066 году. Васильевский был уверен, что его выводы будут использованы как норманистами, так и антинорманистами, при этом – напомним – сам он не выбирал ни одну сторону и считал, что научная истина открывается через синтез известных данных. Происхождение русской княжеской династии он считал несомненно скандинавским, опираясь на два факта: имена первых князей и названия днепровских порогов. Это привело его к полемике с известным историком-антинорманистом Дмитрием Ивановичем Иловайским, которая вылилась в написание оппонентами критических заметок о работах друг друга, помещенных в приложение к настоящему изданию.

После строго исторических работ по половецкому и варяжскому вопросам Васильевский опубликовал исследования устанавливаемых им исторически достоверных фактов, содержащихся в четырех житиях святых: Стефана Нового, Иоанна Готского, Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Кроме того, им были изданы неизвестные ранее памятники византий-

² Васильевский В. Г. Византийский временник за 5 лет. С. 134–138.

ской письменности. В 1890 году он выпустил в свет первую часть труда «Обозрение трудов по византийской истории».

В. Г. Васильевский в 1890-е гг.

После защиты диссертации и утверждения в степени доктора русской истории в 1879 году ученый занял должность сначала экстраординарного профессора Санкт-Петербургского университета, а с 1884 года – ординарного профессора на кафедре всеобщей истории.

В 1882 году он участвовал в создании Императорского православного палестинского общества – научной и гуманитарной организации, уставными задачами которой являлись содействие православному паломничеству на Святую землю, научное палестиноведение, востоковедение. Предшественниками Палестинского общества были основанный в 1859 году Палестинский комитет и Палестинская комиссия, в которую комитет был преобразован в 1864 году. Научное отделение ИППО, призванное «сбирать, разрабатывать и распространять в России сведения о святых местах Востока», вело масштабную и плодотворную деятельность не только в Палестине, но и по всему Средиземноморью. Экспедиции общества охватывали Синайский полуостров, паломнические и торговые пути, связывавшие Святую землю с Кавказом и Малой Азией, Ближним Востоком и Константинополем. Исследовались патриаршая библиотека на подворье Иерусалимского патриархата в Константинополе, библиотека монастыря

Св. великомученицы Екатерины на Синайском полуострове, составлялись описания рукописей в библиотеках монастырей Ближнего Востока. Василий Григорьевич опубликовал в «Православном Палестинском сборнике» ряд греческих агиологических памятников, а также входил в первый состав Совета ИППО.

Палестинское общество осуществляло многогранную и плодотворную деятельность вплоть до Первой мировой войны, которая прервала череду экспедиций. Работа общества продолжалась и в советский период. С 1918 по 1921 год организацию возглавлял академик В. В. Латышев, которому удалось сохранить в обществе костяк московских и ленинградских профессоров, трудившихся в учреждениях Академии наук. Последний номер «Православного Палестинского сборника» вышел в 1918 году, а в 1926 году вышел единственный выпуск журнала «Сообщения Палестинского общества» – уже под новым названием. Возрождение общества началось в 1951 году под эгидой АН СССР, а с 1954 года возобновилось издание «Палестинского сборника».

В январе 1890 года Васильевский был избран академиком по русской и византийской истории и в том же году назначен редактором «Журнала Министерства народного просвещения». В 1894 году стал инициатором создания «Византийского временника», где опубликовал, в частности, критические комментарии к «Хронике Логофета».

Эмблема Императорского православного палестинского общества

Как историк, Василий Григорьевич Васильевский принадлежал к позитивистскому направлению, которое в те годы было широко представлено его современниками. Это направление характеризует восприятие исторического процесса как прогрессивного движения всего человечества к лучшим формам жизни, культуры и правления, а остановку, застой, полагает болезнью общества, требующей оздоровления³. Близко знавший В. Г. Васильевского И. М. Гревс писал о нем: «Хотя Василий Григорьевич был чужд вероисповедной исключительности и формализма внешнего благочестия, в нем было много глубоко религиозных элементов в нравственной природе и умственном настроении. Он верил в высший смысл существования и в направление мировой жизни верховным началом к разумной цели. Он строил равновесие своей духовной жизни на идее эволюции мира к совершенству, рисовал себе, стало быть, и человечество идущим к прогрессу»⁴.

Роднит Васильевского с позитивистской школой и методика исследовательской работы, для которой характерны максимально широкий круг источников, комплексное использование материала смежных дисциплин (археологии, ономастики, нумизматики, эпиграфики и т. п.). Всесторонняя критика источника, который исследуется в его целостности и единстве, выяснение обстоятельств возникновения источника, строжайшее различие сообщаемого информантом факта от его объяснений, восхождение от известного к неизвестному, историко-сравнительный анализ, максимально беспристрастная интерпретация фактов⁵. Все это делает Васильевского первоклассным ученым мирового уровня, достойным примером для подражания не только в свое время, но и в XXI веке.

Как профессор университета, создатель собственных курсов лекций по истории Средних веков и специальных по истории Византии, Васильевский проявлял постоянное пристальное внимание к ознакомлению студентов с иностранной исторической мыслью, добивался для способных выпускников заграничных командировок, заботился о достойном и своевременном комплектовании университетской и академической библиотек, об издании безупречной в научном отношении учебной литературы, сурово критикуя при этом всякие проявления невежества, небрежности, неряшливости⁶.

На 61-м году жизни Василий Григорьевич отправился на лечение в Италию, где надеялся поправить пошатнувшееся здоровье и обострившуюся болезнь почек. Не успев доехать в Рим, к месту лечения, он скончался во Флоренции 13 мая 1899 года. Похоронен на кладбище Аллори.

В. Е. Сеничев, историк-медиевист

³ Модестов В. И. В. Г. Васильевский. Время высшего образования и приготовления к кафедре // ЖМНП. Ч. 339. 1902. С. 155.

⁴ Гревс И. М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // Журнал Министерства народного просвещения, 1899. Ч. CCCXXIV. Август. С. 41.

⁵ Литаврин Г. Г. Василий Григорьевич Васильевский – основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838–1899) // Византийский временник. 1994. Т. 55 (80). Ч. 1. С. 5—21.

⁶ Гревс И. М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. CCCXXIV. Август. С. 33–34.

Предисловие к изданию 1908 г.

Давно уже заявлялась желательность такого издания ученых произведений В. Г. Васильевского, в котором они были бы более доступны и удобны для пользования, чем в книжках журналов за разные месяцы и годы. В записке по поводу предложения об избрании Василия Григорьевича в академики, читанной А. А. Куником в Историко-филологическом отделении Академии 12 декабря 1889 г., было между прочим сказано: «Труды профессора В. Г. Васильевского по большей части рассеяны по разным научным периодическим изданиям и, главным образом, по разным книжкам Журнала Министерства народного просвещения, начиная с 1864 года. Это обстоятельство, как и следовало ожидать, имело весьма невыгодную сторону и для пользовавшихся трудами нашего ученого, и для него самого; в последнем случае страдала главным образом популярность его, так как наши ученые журналы читаются у нас очень немногими. Вот почему еще довольно давно предложено было нашему историку его учениками, почитателями и интересующимися распространением у нас научных знаний издать отдельными книгами те его труды, которые имеют большее научное значение».

Василий Григорьевич не успел, однако, сам предпринять нового издания своих работ. После его кончины Историко-филологическое отделение сочло долгом озаботиться осуществлением этого предприятия, полагая, что таким изданием Академия оказала бы услугу русской исторической науке и достойно почтила бы память своего знаменитого сочлена. Образованной для того комиссии поручено было Отделением составить план этого издания и наблюдать за его печатанием.

Особенно настоятельную потребность представляет и потому в первую очередь поставлено комиссией переиздание тех трудов Василия Григорьевича, которые имеют предметом историю Византии и ее отношений к России и славянам.

Размещение этих трудов не в той последовательности, в какой они появлялись в периодических изданиях, а в хронологическом или систематическом порядке их сюжетов, при чрезвычайном обилии и разнообразии вопросов, затрагиваемых почти каждым исследованием нашего историка, представило бы слишком много трудностей и немало неудобств. В числе последних явилась бы и необходимость расторжения той группировки, какая для некоторых работ, напр. для «Русско-византийских отрывков», была установлена самим автором. Если бы даже и удалось сколько-нибудь строго провести порядок хронологии или систематики сюжетов, то эта выгода была бы куплена слишком дорогой ценой: была бы разрушена прекрасная и высоко поучительная картина роста и той науки, для которой так много сделал покойный исследователь, и его собственного таланта. Намереваясь поэтому не отступать без особенно уважительных причин от того порядка, в каком отдельные труды выполнялись и издавались автором, комиссия в первом томе издания поместила самые ранние из работ Василия Григорьевича по византийской истории.

Для некоторых трудов нашлись экземпляры, принадлежавшие автору, с его собственноручными заметками. В новом издании по мере возможности приняты поправки, дополнения и сокращения, указанные в этих заметках. Но чаще всего они представляют такой материал намеков, напоминаний и цитат, которым только сам автор мог бы воспользоваться как следует и которым отчасти, в позднейших своих произведениях, он действительно воспользовался.

Кроме упомянутых авторских изменений, допущены при переиздании только такие, которые или состояли в исправлении очевидных опечаток и описок, или вызывались сверкой цитат с новейшими изданиями текстов. К частям исследований, основанных на источниках, более или менее далеких от специальности византиниста, напр. на восточных или скандинавских, сделаны добавочные примечания, преимущественно там, где оказывалось, что положе-

ние научных вопросов, обсуждавшихся Василием Григорьевичем, существенно изменилось вследствие обнаружения источников, прежде неизвестных.

Ссылки на тексты, вошедшие в состав Боннского корпуса византийских историков, относятся вообще к страницам этого корпуса. Там, где представлялось целесообразным сослаться на другие издания, сделаны соответствующие указания.

Первое из вошедших в этот том исследований было подготовлено к печати членом комиссии Б. Э. Регелем; при издании тех частей второго, которые основаны на источниках скандинавских и грузинских, существенную помощь оказали комиссии профессора Ф. А. Браун и Н. Я. Марр.

Глава I. Положение вопроса о византийских варангах и источники для его решения

Один из главных борцов-противников норманской теории, С. А. Геденов⁷, первый обратил внимание на то чрезвычайно важное обстоятельство, что имя варягов появляется в византийских источниках очень поздно, не ранее 1034 года. С большим остроумием он сопоставил появление в Византии новой по имени дружины варягов с известием русской летописи, относящимся к 980 году: в этом «году Владимир, недовольный требованиями своих норманнских варягов-союзников, отправляет их в Грецию; его посольство к императору доказывает, что дело идет о новом, до того времени небывалом случае, то есть о появлении в Константинополе целой массы норманнов, вместо отдельных, в русской дружине исчезавших лиц». Прежде, то есть до 971 года, до эпохи разрыва Святослава с греками, наемное войско греческих императоров состояло главным образом из русов (по теории г. Геденова, исконных славянских жителей Южной России); только некоторые, немногие норманны вступали в это русское отделение греческого войска и служили под тем же именем «рос». Со времени прибытия варягов, отправленных Владимиром, становятся известными в Греции два отдельных корпуса: во-первых – русов, уже чисто славянский корпус без всякой норманнской примеси, и, во-вторых – варягов-норманнов. О постоянном отличии обоих свидетельствуют все писатели того времени.

Д. И. Иловайский⁸ пишет: «Норманисты много и убедительно доказывали, что варанги византийские были норманны и означали то же, что у нас варяги. С чем мы совершенно согласны; только и в этом случае скандинавоманы слишком упирают на Скандинавию. Относительно отечества варангов византийские известия указывают иногда на Германию, иногда – на далекий остров, находящийся на океане, который они называют Туле, а чаще всего причисляют их к англичанам. Под островом Туле у византийцев разумеется вообще крайний северный остров, так что, смотря по обстоятельствам, под ним можно разуметь острова Британские, Исландию, острова и полуострова Скандинавские. Но что ж из этого? Мы все-таки не видим главного: тождества с русью, и не только нет никакого тождества, напротив, византийцы ясно различают русь и варягов; для нас, повторяю, важно то обстоятельство, что византийцы, близко, воочию видевшие пред собою в одно и то же время и варангов и русь, нигде их не смешивают и нигде не говорят об их племенном родстве».

И в другом месте: «Византийцы нигде не смешивают русь с варягами. О варягах они упоминают только с XI века; а о народе Ῥῶς, под этим ее именем, говорят преимущественно со времени нападения ее на Константинополь в 865 году. Но и после того они продолжают именовать русов скифами, тавроскифами, сарматами и т. д.»⁹

На страницах Журнала Министерства народного просвещения мы еще недавно читали: «...византийское βάρανγοι произошло не прямо от væringr (тогда было бы βάρυγγοι), а чрез посредство славянского “варязи”, которое впервые пришло к грекам из Киева, вероятно, в письменном сообщении. По свидетельству нашей летописи, это было именно в 980 году, когда наемники “варязи”, озаботившие было Владимира своими притязаниями, отпущены были им на службу к императору, и притом с рекомендацией, не слишком для них лестной. Эти-то “варязи” и были, стало быть, первыми варангами в Греции, где до их появления имя βάρανγοι было совершенно неизвестно, что вполне доказано уже г. Геденовым».

⁷ Отрывки из исследований о варяжском вопросе. Прилож. ко II тому Записок Имп. академии наук. № 3, с. 138. 164 сл.

⁸ О мнимом призвании варягов. Русск. вестн. 1871, ноябрь, с. 21 сл.

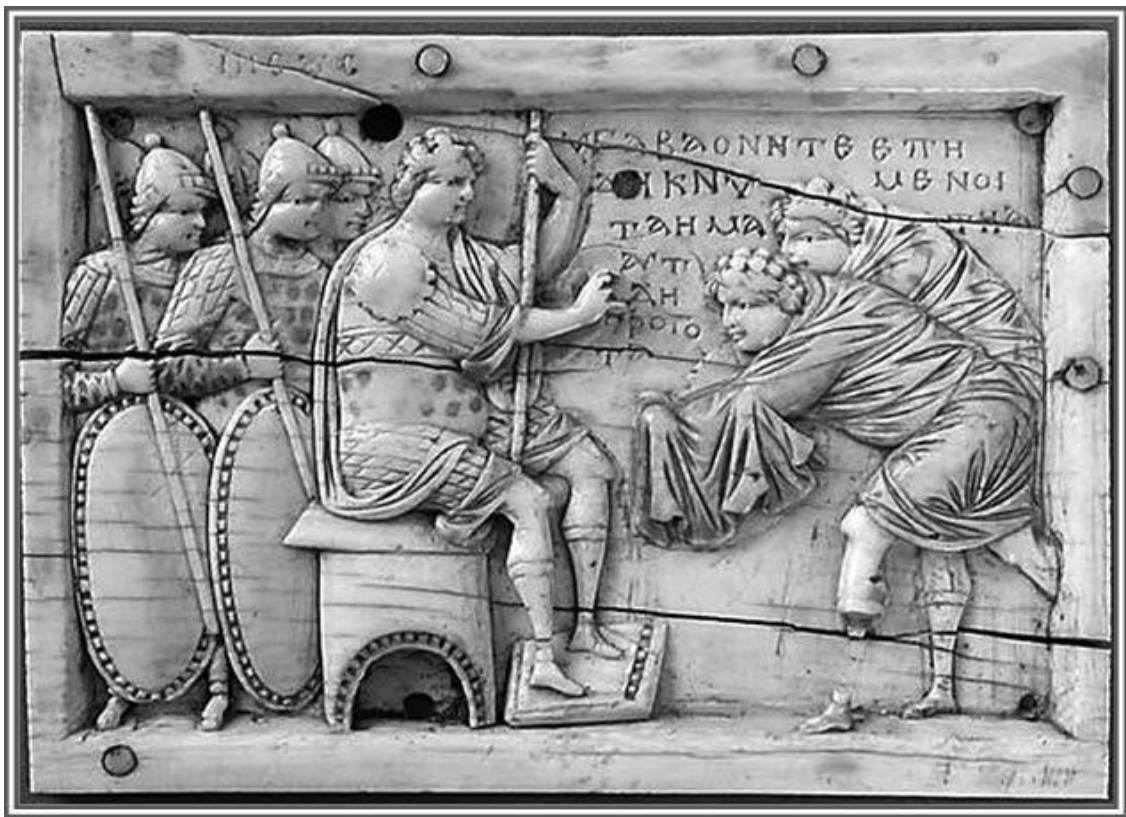
⁹ Д. Иловайский. Еще о норманизме. Русск. вестн. 1872, декабрь, с. 504.

Тот же автор, объясняя вставные, по его мнению, слова летописи «сице бо тии звахуся варязи русь» и проч., пишет: «Толкование это вставлено после, и никак не ранее XI века, когда варягов, называвшихся русью, нигде уже не было, когда пришедшие к нам варяги-русь уже ославились и, утратив свое отдельное существование, слились с массою туземного славянского населения, которому сообщили свое имя, и когда вследствие этого слияния самое имя русь получило уже совершенно другое значение, – стало означать уже нашу славянскую, православную Русь, народ русский»¹⁰.

Итак, в настоящее время и норманистами, и противниками их признаются несомненными два следующие положения:

1) имя варангов появляется в Византии в XI веке, и появление этого имени объясняется прибытием туда варяжской дружины, о которой говорится в русской летописи;

2) с XI века византийцы различали русь и варягов и никогда не смешивали этих двух названий.

Дары византийскому императору. Резьба по кости, X в.

Мы намерены проверить оба положения полным разбором всех византийских известий XI века, где говорится о варягах. Нам уже давно казалось, что второе положение высказано и принято без достаточного изучения именно того византийского писателя, который в этом случае был важнее других. Мы разумеем Атталиата или Атталиоту, который жил и писал действительно в XI веке и не был компилятором, как Зонара и Кедрин, писатели более поздние. Летом нынешнего (1908) года издан наконец и другой самостоятельный и оригинальный источник для византийской истории XI века. В *Bibliotheca graeca medii aevi* (t. IV) напечатана история Михаила Пселла. Все ученые, занимающиеся византийской или русской историей, должны

¹⁰ Н. Ламбш. Источник летописного сказания о происхождении Руси в Журн. Мин. нар. проsv. Ч. 173 (1874). Отд. II, с. 259; ч. 174 (1874). Отд. II, с. 71.

будут принести глубокую благодарность ученому греку Сафе (Sathas), неожиданно подарившему их таким дорогим и ценным сюрпризом. Пселл, как известно, был не только первым ученым своего времени, но и играл первостепенную политическую роль при византийском дворе Константина Мономаха и его преемников. Он описывает то, чему сам был свидетелем, в чем сам был главным деятелем. Из его истории мы узнаем, что вместе с императором Константином Мономахом он следил своими глазами за ходом морского сражения византийцев с русскими в 1043 году. Рассказ его о походе Владимира Ярославича, представляющий некоторые особенности против других ранее известных источников, мы приводим в конце статьи в виде приложения и оставляем за собою право поговорить впоследствии подробнее обо всем IV томе «Греческой средневековой библиотеки», где, кроме истории, находятся и некоторые другие мелкие сочинения того же Пселла. В настоящее время мы воспользуемся теми данными, какие можно извлечь из истории Пселла относительно значения слова βάραγγοι у византийцев и относительно состава варяжской дружины в XI веке. Любопытно то обстоятельство, что Пселл, окончивший свою историю около 1088 года, ни однажды не употребляет выражения «варанги», хотя, несомненно, говорит о самом предмете и даже описывает одну сцену, в которой сам он был главным действующим лицом, а варяги представляли грозную обстановку. Кроме Пселла и Атталиоты, мы должны будем приводить места, относящиеся к XI столетию, еще из четырех писателей: Иоанна Скилицы или Иоанна Фракисийского, Никифора Вриенния, Кедрина и Зонары. Но из всех этих писателей только первый может быть почитаем сколько-нибудь самостоятельным писателем. Иоанн Фракисийский, сановник императора Алексея Комнина (1081–1118), написал Ἐπιτομή ἱστοριῶν от 811—1057 гг., и это сочинение было так основательно обокрадено Кедриним, что по справедливости во всех местах, где будет называться Кедрин, следовало бы писать и читать: Иоанн Скилица. Иоанн Скилица и сам поступал в отношении других не лучше, чем Кедрин – в отношении к нему. Он написал, несколько позже, продолжение своего первоначального труда, обнимающее время от 1057 года по 1081-й, и здесь довольно бесцеремонно воспользовался сочинением Атталиоты. Эта именно часть труда и напечатана в боннском издании под собственным именем Скилицы, тогда как первая пропала в компиляции Кедрина. Никифор Вриенний и Зонара жили в XII веке, точно так же, как и Кедрин, и подобно ему не имеют ничего своего, ничего самостоятельного. Это все нужно знать и иметь в виду при решении всякого частного вопроса, заставляющего обращаться к названным источникам. Тем более это нужно, что в конце XI века, как мы будем доказывать, состав варяжской дружины в Константинополе совершенно изменился, а между тем этого как будто не хотели знать писатели-компиляторы XII века (Вриенний и Кедрин). В суетном и тщетном желании придать себе некоторый вид самостоятельности, они прибегали нередко к легким стилистическим изменениям подлинника и вносили при этом в источник XI века воззрения своего времени. Это, с полной очевидностью, может быть доказано относительно Вриенния и того объяснительного замечания, которое он счел за нужное сделать относительно варягов. Но, с другой стороны, такие стилистические изменения и легкие добавления помогают нам узнавать варангов в таких местах у писателей XI века, в которых без этого мы должны были бы ограничиваться одними догадками, не для всех убедительными. Невизантийскими источниками мы пользуемся настолько, насколько это необходимо для объяснения византийских.

Еще одно предварительное замечание. Мы не считаем себя компетентными в вопросах русской истории настолько, чтобы вмешиваться в спор, снова поднятый уважаемым Д. И. Иловайским. Небольшое исследование, которое мы посвящаем византийским варягам, несколько не касается существа норманнской теории, и выводы, которые из него позволительно будет сделать, могут быть обращены в свою пользу как норманистами, так и с таким же правом противниками их. Мы совсем не касаемся вопроса о том, что такое была русь, о которой говорится в беседах патриарха Фотия и в договорах русских князей с греками. Равно как и вопроса о том, кто была та служебная русь в Византии, о которой упоминается в сочинениях Константина Баг-

рянородного. И отправляемся от того положения, в настоящее время признаваемого, кажется, обеими сторонами, что в XI веке Русь есть не иная какая Русь, как славянская, православная.

Глава II. Варяги, отправленные в Константинополь Владимиром, и первые свидетельства исландских саг о норманнах, вступивших в варяжскую дружину

Первый из двух вышеозначенных пунктов, подлежащих здесь исследованию, состоит в том, что появление на страницах византийской истории имени варангов объясняется прибытием в Царьград дружины, находившейся до тех пор на службе киевских князей, в частности – киевского князя Владимира; или, другими словами: первые варанги в Константинополе суть те варяги, которые были приведены Владимиром из-за моря, а потом, недовольные им, ушли в Царьград. Положение это основывается на сопоставлении двух явлений, связь между которыми открыта только комбинирующею силой ума известного и замечательного русского исследователя. В 980 году отправились из Киева в Византию варяги; в 1034 году у византийских историков в первый раз упоминаются варанги, до сих пор им неизвестные; следовательно, византийцы узнали варангов незадолго до 1034 года и всего скорее познакомились с ними в лице тех варягов, о прибытии которых в Константинополь мы имеем положительные сведения. Законность такого вывода и вообще такого приема в историческом исследовании не может быть отрицаема. Но к нему нужно прибегать только в том случае, когда нет никаких других прямых указаний, объясняющих вопрос более положительным образом, и особенно – когда ничего не противоречит выводу. Мы оставляем в стороне довольно насильственное понимание г. Гедеоновым Первоначальной летописи. Услышав, что Ярополк убил Олега, Владимир бежал за море, то есть, по объяснению г. Гедеонова, не к шведам, а, без сомнения, к своим западным однокровникам (на Балтийском поморье), быть может, в Юмну. Через два года он пришел с варягами к Новгороду, при помощи их взял Киев; в его войске преобладал вендо-варяжский элемент (Отрывки, с. 162). А между тем варяги, отправившиеся в Константинополь, были скандинавы. Такое довольно натянутое толкование находится в связи с теорией г. Гедеонова о призвании князей с Балтийского поморья, которая не подлежит здесь обсуждению. Наш вопрос состоит в том, существует ли действительно связь между рассказом Первоначальной русской летописи, помещенным под 980 годом, и первым упоминанием варангов у византийского писателя. В летописи мы читаем:

«Варязи (при помощи которых Владимир одержал верх над Ярополком и овладел Киевом) реша Володимеру: “се град наш; мы прияхом и, да хотим имати окуп на них по две гривне от человека”. И рече им Володимер: “пождете, даже вы куны сберуть, за месяц”. И ждаша месяц, и не дасть им, и реша варязи: “сольстил еси нами, да покажи ны путь в греки”; он же рече им: “идете”. И избра от них мужи добры, смыслены и храбры, и раздая им грады; прочии же идоша Царюграду в греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю: “се идуть к тебе варязи, не мози их держати в граде, оли то створять ти зло, якоже и сде, но расточи я разно, а семо не пущай ни единого”».

Сопоставляя это свидетельство с толкованием г. Гедеонова, заметим:

Во-первых, на каком основании мы будем думать, что византийский император не послушал данного ему совета? Само собою понятно, что летописец, кто бы он ни был, никак не имел в виду рассказывать о каких-либо бесплодных дипломатических сношениях Киева с Константинополем. Совет Владимира предполагает исполнение или даже есть только живая летописная (эпическая) форма для передачи факта, совершившегося в действительности. Варяги, отправившиеся из Киева в Византию, не остались в городе, не остались при дворе императора, следовательно, не сделались его телохранителями или лейб-гвардией, то есть тем, чем, по общепринятому мнению, были варанги в Византии. Они были рассеяны, расточены розно;

следовательно, не могли образовать какого-либо отдельного военного корпуса¹¹. Мы знаем, что действительно в Византии не всегда благосклонно принимали вооруженную толпу, приходившую из Киева. Пример Хрисохира известен и будет приведен ниже.

Во-вторых, мы можем обратить внимание и на то обстоятельство, что между 980 и 1034 годами приходится все-таки слишком значительный промежуток. С той поры, как варанги в первый раз были упомянуты в византийской истории, они являются в ней непрерывно, постоянно и довольно часто. Отчего нет никаких следов их существования в первые пятьдесят четыре, или, принимая в расчет и невизантийские источники, в первые тридцать лет их предполагаемого пребывания в Константинополе? Правда, византийские источники очень скудны именно за последние годы X столетия. Но они восполняются летописями армянскими, грузинскими, а потом южноитальянскими, наконец, исландскими сагами, обильным источником именно для истории варягов и варангов¹².

¹¹ Вовсе не важно, образовали ли они лейб-гвардию или особенный корпус; вопрос в том, были ли они в ней? Кажется, нужно будет признать первоначально отдельное существование варангов с 980 года.

¹² Удивительно, что в Византийской хронике нет никаких следов, несмотря на очень подробную повесть о военных действиях 980-го и следующих годов. Еще удивительнее, что и северные источники, скандинавские саги, не дают определенных указаний, а оставляют большой промежуток. Однако промежуток не так велик, как мне прежде представлялось. Болле был, положим, первый норманн на византийской службе, но варанги и их дружины были там ранее.

Воин. Мозаика, 1049–1055 гг., монастырь Неа Мони, Хиос, Греция

В-третьих, эти же самые исландские саги и опровергают окончательно мысль, пущенную в оборот г. Гедеоновым. Спешим, однако, заметить, что свидетельства исландских саг опровергают не только теорию г. Гедеонова о происхождении византийских варангов, но точно так же и все возражения, сделанные на нее из противного лагеря, именно на основании исландских саг.

А. А. Куник, с некоторою резигнацией принявший многие из ударов (часто действительных, иногда мнимых), нанесенных норманской теории автором «Отрывков о варяжском вопросе», делает следующие замечания относительно византийских «гвардейских секироносцев»: «Относительно поездок в Византию надобно различать шведов и норвежцев строже, чем это делает г. Гедеонов. Первое известие о шведах, явившихся в Византию, относится к 838 году, и даже г. Гедеонов допускает это, хотя и старается этот неудобный для него факт всячески перевернуть и перетолковать. А когда в первый раз прибыли в Византию норвежцы? Едва ли раньше 934 года, когда норвежец Эгиль титуловал себя предикатом *foldvarangi*, а вернее, 40 или 50 лет спустя. Северные саги, которые, по их содержанию, конечно, должно разделить на мифические, романические и более или менее исторические, толкуют об этом довольно определенно¹³. Как известно, они почти никогда не показывают годов, а представляют только не прямые хронологические данные. Зато в них – мы имеем здесь в виду саги исторические – называются по имени множество норвежцев и исландцев с их родословными, которых древние исландцы собрали огромную массу. Иной раз установить хронологию известий помогают также введенные в саги события нескандинавских стран. Таким путем можно дойти до того, что первые норвежцы и исландцы отправились в Византию для поступления в военную службу, по всей исторической вероятности, лишь по смерти Святослава (т. е. после 972 года). Первый император, упоминаемый в сагах, есть *Jon* (то есть Иоанн Цимисхий, ум. 10 января 976 года), победитель Святослава. Чаше же стали такие поездки лишь с начала XI столетия, как прямо дает понять одна сага. Этим подрывается положение г. Гедеонова о вступлении (норвежских) *Varingjar* в лейб-гвардию императоров» (Отрывки, с. 223).

Но, для того чтобы сделаться варангом, мало было приехать в Грецию, а нужно было вступить в военную службу или даже, по общепринятому воззрению, в число телохранителей императора, в состав его лейб-гвардии. Известие Бертинских летописей о людях, посланных императором Феофилом к Людовику Благочестивому, которые называли себя «рос», а по расследовании оказались шведами, совершенно не относится к вопросу о византийских варангах, ибо нигде не сказано, что это были варанги. Далее, то, что норвежец Эгиль титуловал себя в 934 году *foldvarangi*, также несколько не служит к опровержению г. Гедеонова. Это слово объяснено самим А. А. Куником на одной из предыдущих страниц его замечаний (с. 219) и значит «защитник наследственной земли» (против несправедливого приговора суда), *ruris defensor, videx*. Если скандинавское название варягов и происходит от корня, означающего на северном языке «защищать, оберегать», то это не значит, что для получения названия «защитник» (чего

¹³ Уже сами исландцы разделяли саги на несколько категорий или поджанров, каждый имел свой особый внутренний стиль и признаки. Выделяются саги о древних временах, повествующие о событиях, которые можно отнести к Великому переселению народов или эпохе легендарных конунгов. Такие саги содержат наиболее мифологизированные описания событий, большие вкрапления магического и мистического элементов, общение с богами. Примером саг о древних временах могут служить сага о Вольсунгах и сага о Хейдрекке и Хервёр. Непосредственно саги об исландцах, или «родовые саги», формируют второй поджанр, в рамках которого описания носят более бытовой характер, все герои так или иначе связаны с жителями острова и хронологически существуют в период с конца IX по XI век. Такие саги выступают формой исторической памяти жителей острова и считаются наиболее реалистическими и правдоподобными. Третий поджанр образуют королевские саги, повествующие о норвежских и шведских конунгах. Некоторые компоненты повествования в них заимствуются из «родовых» саг, но масштаб личностей монархов придает им более эпический и значимый характер. Также выделяются саги о епископах, совмещающие жанровые черты родовых саг и житийной литературы, рыцарские саги, являющиеся переложением континентальных рыцарских романов, и «лживые» саги, повествующие о нарочито вымышленных сюжетах и относящиеся к развлекательной литературе. – *Сост.*

бы то ни было) необходимо было съездить в Византию. А главное, зачем делать гадательные предположения, когда в сагах есть совершенно определенные указания о том, кто именно и когда именно был первым норманном, вступившим в варяжскую дружину. Мы удивляемся, каким образом никто до сих пор не обратил внимания на следующее в высшей степени важное место в одной из древнейших и наиболее достоверных исторических саг:

«Когда Болле провел одну зиму в Дании, он решил отправиться в более отдаленные страны, и не прежде остановился в своем путешествии, чем прибыл в Миклагард (Византию). Он провел там короткое время, как вступил в общество вэрингов (= варангов). У нас нет предания (нам не передано), чтобы кто-нибудь из норманнов служил у константинопольского императора прежде, чем Болле, сын Болле. Он провел там много зим и во всех опасностях являлся храбрейшим и всегда между первыми; подлинно, вэринги много ценили Болле, когда он жил в Константинополе».

(*Quumque Bollius in Dania transegisset, ad remotiores regiones adire paravit, hand itinere desistebat prius quam Miklagardum pervenisset; brevi ibi fuerat moratus, quum Vaeringiorum inivit societatem. Nec nobis quidem relatum est, Normannorum aliquem sub Constantinopolitano rege meruisse prius, quam Bollium Bollii filium. Multas ibi degit hyemes ac in omnibus periculis fortissimus est habitus, ac semper inter principes, ac magni sane Vaeringi Bollium existimavere, dum Constantinopoli moraretur*).

Это читается в Лаксдэльской саге (*Laxdaela-Saga. Historia de rebus gestis Laxdolsium. Ex mss. leg. Arn. Magn. cum interpretatione latina et cet. Hafniae, 1827*), с. 315. Лаксдэльская сага записана, как полагают, в начале XIII столетия; следовательно, по времени записи она не принадлежит к самым древним, но события, в ней описываемые, оканчиваются около половины XI века¹⁴. Таким образом, она, подобно всем другим сагам, довольно долго сохранялась в устном предании. Вопрос о том, в какой степени первая письменная редакция сохранила подлинный устный текст саги, для нас пока не имеет никакой важности. Если замечание о том, что Болле Боллесон был первым норманном, вступившим в военную службу к византийскому императору, сделано только при письменной редакции, то это будет значить, что в начале XIII века, то есть во времена Снорри Стурлусона, когда последний кульминационный пункт своеобразного исторического творчества в Исландии уже завершился, не было известно ни одной саги, которая говорила бы о более ранней службе норманнов-скандинавов в Византии.

К какому же времени относится вступление Болле Боллесона в общество варангов? Решить этот вопрос нетрудно, потому что лица, действующие в Лаксдэльской саге, не только встречаются в других исторических сагах, но упоминаются также у Аре Фроди, первого исландского летописца, то есть суть лица вполне исторические. Отец первого византийского варанга из норманнов, по имени Болле, есть одно из таких лиц, упоминаемых в летописи; другой герой саги, Киартан, не только появляется во всех рассказах о стремлениях короля Олафа Тригвасона обратить Исландию в христианство, но даже его гробница с рунической надписью сохранилась до нашего времени. Болле-отец, по летописи, был убит в 1007 году, а только после его смерти родился его сын, Болле-младший, или Боллесон. Двенадцати лет, по саге, он предпринимает исполнить долг мести за своего отца (1018 г.), но потерпел неудачу. Потом он женился и только после этого отправился в далекие страны, сначала в Данию, а потом в Константинополь. Итак, первый норманн явился в числе варангов никак не ранее 1020 года, а, по-видимому, после

¹⁴ См. *Peter Erasmus Muller, Sagenbibliothek* (Aus der danischen Handschrift ubersetzt von K. Lachmann. Berlin, 1816) I, с. 162 и след., а также Rosselet, *Islandische Litteratur* в Энциклопедии Эрша и Грубера, II отделение, т. 31, с. 302. «Критическое издание саги дал Kalund (Копенгаг., 1889–1891), со всеми вариантами и т. п. Текст этого издания повторен им и снабжен предисловием и примечаниями в *Altnordische Saga-Bibliothek* IV, Halle, 1896. Критический разбор саги см. у *F. Jonsson, Den oldnorske og oldislandske Litteratur Historie* II, 1 (1898), p. 440–453, и у *Mogk, Gesch. d. norw.-isl. Litteratur*, p. 198 ss. (*Grundriss d. germ. Phil. ed. Paul, 2-е изд.*).

1023 или даже 1026 года. О путешествии Болле Боллесона говорится после рассказа о гибели Торкеля Эйольфсона, что относится к одному из сейчас означенных годов¹⁵.

Такому заключению, по-видимому, противоречит упоминание вэрингов в двух других исторических сагах, считаемых самыми древними – как на основании их содержания, так и по времени письменной редакции, относящейся к первой половине XII века¹⁶. Это суть: 1) сага о Вига-Стире и 2) сага о битве на поле (*auf der he ide*), или *He idharviga-Saga*. В первой является на сцену Гест, сын Торгалла (*Thorhall*); убив Стира (1007 г.), одного из старшин или князьков исландских, он удаляется из опасения мести сначала в Норвегию, а потом в Миклагард, где поступает в число вэрингов. Здесь находит его сын Стира, Торстейн (*Thorstein*), застаёт его во время игр среди вэрингов и бросается на него с мечом в руках, и т. д.¹⁷ Событие должно относиться к 1011 году, и, следовательно, сказание о Стире противоречит прямому свидетельству Лаксдэльской саги о первом норманне в византийской гвардии. Но весьма легко решить, на которой стороне находится большая достоверность. Подлинная первоначальная рукопись Вига-Стировой саги и единственный список с нее, сделанный для Арна Магнусона (*Arni Magnússon*), сгорели при копенгагенском пожаре 1728 года. В нынешнем своем виде сага восстановлена по памяти переписчиком Арна Магнусона¹⁸. Понятно, что при этом не могли вполне удержаться все подлинные выражения саги, и легко могли явиться прибавки, особенно под влиянием знакомства с другими сагами. Путешествие в Царьград и вступление в варяжскую дружину византийского царя – самая обычная черта в позднейших сагах; она легко могла попасть из них чрез посредство такого позднего редактора и в Вига-Стирову сагу. Между тем не всегда нужно было ездить в Византию, чтобы сделаться варангом: в начале XI века для этого можно было ограничиться Киевом или вообще Русскою землей.

¹⁵ *Muller-Lachmann*, *Sagenbibliothek*, I, 163. «Пребывание Болле младшего в Константинополе определяется сагой хронологически точнее, чем думал В. Г. Родившись после смерти отца в 1007 г., Болле женится 18 лет от роду, т. е. летом 1025 г. (гл. 70, § 11 сл.). Прожив год с женой, он в обществе своего брата Торлейка отправляется в путешествие летом 1026 г. (73, 1); осенью они приезжают в Норвегию, где Торлейк остается, тогда как Болле той же осенью направляется в Данию (73, 16), где проводит зиму 1026/27 г., и лишь весной 1027 г. предпринимает поездку в Миклагард, о которой говорится в вышеприведенном отрывке (гл. 73, 17–19). В Византию он мог прибыть, следовательно, не раньше лета 1027 г. Во время его отсутствия (а не до его отъезда) погибает его отчим Торкель Эйольфсон – факт, определяемый вполне точно 1026 годом. Через 4 года (гл. 77, 1), т. е. в 1030 г., Болле возвращается в Исландию. С этим вполне согласуется указание саги (78, 1), что через год умер Снорри Годи: смерть этого знаменитого исландского деятеля действительно относится к 1031 г. Следовательно, служба Болле у византийского императора продолжалась с 1027 до 1030 г., т. е. всего три года, что не вполне согласно с утверждением саги (73, 19), будто он был в Миклагарде «очень много зим» (*mjok marga vetr*). Но и помимо этого, весь эпизод путешествия Болле в Норвегию и Византию, и вообще вся последняя треть саги (после 1007 г.) обставлена хронологически очень сбивчиво и находится в полном противоречии с указаниями других саг. (*F. Jonsson* I. с. р. 445. Ср. предисловие к изд. *Kalunda* 1896 г. с. V sq.), вследствие чего достоверность всего рассказа о службе Болле в Константинополе подлежит серьезному сомнению. Весьма возможно, что рассказ этот вовсе не принадлежал к составу устного предания и присочинен автором саги в первой половине XIII в. лишь с целью прославления Болле, выдвинутого в конце саги на первый план. Генеалогия потомков Болле в гл. 78 и некоторые другие признаки заставляют признать за этой частью саги явную тенденцию возвеличения этого героя. Может быть, автор саги принадлежал к числу его потомков или находился в каких-либо отношениях к ним. Во всяком случае, указанными фактами сильно подрывается доверие к этому эпизоду.

¹⁶ *Muller-Lachmann*, p. 29. *Rosselet*, p. 300. Сравни, впрочем, *Konrad Maurer*, *Island* (Munchen, 1874), p. 463. «Сага о Вига-Стире, оригинал которой до нас не дошел, составляла, вероятно, одно целое с *Heidharviga-saga*, служа как бы введением к последней. Хронологическое определение, даваемое в тексте, несколько преувеличивает древность саги: она относится не к первой половине, а к концу XII века. См. о ней теперь *F. Jonsson* I. с. II 485 sq. и *Mogk*, *Gesch.* I. с. р. 204. Последнее издание: *Valdimar Asmundarson*, *Vigastyrssaga okhe idharviga*, Reykjavik, 1899.

¹⁷ *Islinga Sogur* (*Kjobenh.*, 1847), II, 304 сл.: «Гест видел, что он не в состоянии держаться против происков Торстейна в Норвегии, и отправился на юг в Миклагард и нанялся там служить с вэрингами: он рассчитывал там быть лучше скрытым. До Торстейна дошли о том вести, и он в то же лето отправился в Миклагард. Но таков обычай у вэрингов и норманнов, что день они проводят в играх и борьбе». Торстейн, вступивший в среду вэрингов, застал Геста во время борьбы, выхватил меч и ранил его. Вэринги подбежали и хотели тотчас убить Торстейна, потому что был такой закон, что если кто покусится на жизнь другого во время игр, то должен потерять свою. Но сам Гест освободил Торстейна, заплатив за него выкуп и потом помирившись с ним. Ср. *Muller-Lachmann*, *Sagenbibl.* I, 28.

¹⁸ *Muller-Lachmann*, *Sagenbibl.* I, p. 30. Ср. *Eosselet*, p. 300, примеч. 49-е.

Не совсем верно утверждают, что норманны, служившие у русских князей, никогда в северных сагах не называются вэрингами. В Гейдар-Вига-саге, которая составляет продолжение Вига-Стировой, но по времени записи даже древнее нее и сохранилась в очень хорошей рукописи до нашего времени¹⁹, рассказывается о Вига-Барди, что он, изгнанный судом из своей родины, т. е. Исландии, после нескольких скитаний прибыл с женою в Галогаланд (Halogaland; Холугаланд), то есть на северо-западную приморскую окраину Норвегии. Здесь он поссорился с женой и опять пустился путешествовать. «Он не оставил своего пути, пока не прибыл в Гардарики; и сделался там наемником, и был там с вэрингами, и все норманны высоко чтили его и вошли с ним в дружбу» (Islendinga Sogur II, 394)²⁰.

Ясное дело, что здесь идет речь о русских варягах, о варягах, находящихся в Гардарики; напрасно, стало быть, помещают (Гопф и сам Конрад Маурер) Вига-Стира в число византийских варангов. Но если б это и было основательно, то и тогда прямое свидетельство Лаксдэльской саги не потеряет своего значения. События, рассказываемые Гейдар-Вига-сагой, относятся к началу XI столетия; эпоха битвы, от которой произошло самое название саги, определяется летописными показаниями 1013 годом, а по другим сагам битва произошла в 1014 или даже в 1015 году²¹. Между сражением и судебным приговором, произнесенным против Вига-Барди, находится значительный промежуток времени, так что варяжская служба нашего героя падает к 1020 годам, а с точностью не может быть определена хронологически. По свидетельству ученых издателей подлинной саги, она кончается 1025 годом, а последнее событие, в ней рассказанное, есть именно смерть Барди, павшего в битве после трехлетней службы в вэрингах.

Третья сага, упоминающая о вэрингах, есть Ньялова сага (Njala или Njals-Saga). По Мюллеру и Росселету, она записана в первой половине XII века, и события, составляющие ее содержание, относятся к началу XI века и оканчиваются приблизительно 1017 годом. Нужно, однако, думать, что мы имеем сагу не в том виде, как она была первоначально записана, а в переработке гораздо более позднего времени²². Здесь идет речь о норманне (исландце) Колскегге:

«Он отправился в Данию и поступил на службу к королю Дании Свену Двойнобородому (tjuguskegg, fursibarbus) и здесь пользовался большим почетом. В Дании Колскегг принял крещение, но не поселился там окончательно, а пошел на восток, в Московию (sic), и провел там одну зиму. Вскоре он отправился оттуда в Константинополь и начал там служить наемником. Последний слух, принесенный о нем, был тот, что он там соединился браком и, поставленный во главе стражей царства, остался там до последнего дня: и здесь упоминание о нем заключается».

¹⁹ Сага возникла одновременно с Вига-Стировой, с которой составляла, вероятно, одно целое. См. выше. В «хорошей рукописи», которую разумеет В. Г., т. е. в cod. holm. perg. 18,4°, сохранилась лишь часть саги.

²⁰ Для перевода нужных нам мест в сагах, не переведенных на латинский язык, мы обращались к профессору А. Н. Веселовскому.

²¹ Muller-Lachmann, Sagenbibl. I, 32.

²² Muller-Lachmann, I, 43; Eosselet, p. 300. Сравни замечания Конрада Маурера в только что вышедшей книге (Island, p. 57–65, 66 и о самой саге p. 59: В том виде, в каком она до нас дошла, сага сочинена, вероятно, лишь во второй половине XIII в. Автор при этом слил две саги, первоначально самостоятельные, о Гуннаре и о Ньяле.

Давид и Голиаф. Церковь Святого Креста на о. Ахтамар, Турция. 915–921 гг.

(Jam de Kolskeggo memorandum est – Daniam orientem versus profectum se regi Danorum Sveini furcibarbo commendasse... Moscoviam ad orientem versus petiit... mox inde Constantinopolim profectus ibi stipendia coepit facere. Novissima de illo fama tulerat, illic matrimonio junctum et custodibus regni praefectum, ad supremam diem permansisse: atque hic mentio ejus clauditur. – Historia Niali et filiorum latine reddita. Hafniae, 1809, p. 256 sq.)

Мы можем принять рассказ о Колскегге за вполне достоверный, предполагая, что в оригинале вместо Московии читалось «Гардарика»²³ и что указание на последний слух о судьбе Колскегга принадлежит не иначе как современнику. Но на первый взгляд, очевидно, что таким образом известие о службе Колскегга среди варангов (ибо они, конечно, разумеются под *custodes regni*) несколько выходит из рамки повествования, ограничиваемого 1017 годом, и будет относиться, по крайней мере, к двадцатым годам XI столетия²⁴.

В *Hallfredhar-Saga* мы читаем о Грисе Сэмингссоне (*Griss Saemingsson*):

²³ Так действительно и читается в рукописях. См., например, текст в *Antiquites Russes* II p. 246. Московия оказалась здесь лишь по неточности переводчика.

²⁴ Именно тот отрывок, которым здесь пользуется В.Г. (18-я глава саги), – без всякого сомнения, поздняя вставка и не принадлежит к составу древнего предания: Колскеггу снится сон, который истолковывается так, что ему предстоит сделаться «божым рыцарем» (*gudhs riddari*). Ввиду этого хронологические выводы, построенные на этом отрывке, теряют всякую почву.

«Есть человек, называемый Грис, сын Сэминга, мой приятель и живет в Гейтаскарде в Длинной долине (Langadal); он был в Миклагарде и собрал там большие почести; он – богатый человек, и у него много друзей» (Fornsogur изд. Vigfusson и Mobius, Leipzig, 1860, с. 88).

Грис Сэмингссон жил также в начале XI столетия, подобно Болле Боллесону и Колскеггу; потому нет никакой нужды пускаться в хронологические соображения о том, не поступил ли он в варанги ранее Боллесона²⁵. Сверх того в саге даже и не утверждается прямо, что он служил в наемной византийской дружине.

Что же касается Греттировой саги (Grettis-saga, Grettla по имени скальда Греттира) и до вэрингов, в ней упоминаемых, то здесь пока не время говорить о них. Торбиорн Онгул и его товарищи суть уже современники Гаральда Гардраре, в одно с ним время служат византийскому царю или царице: следовательно, они вступили в число варангов позднее вышеозначенных исландцев²⁶. В саге прямо сказано, что Онгул (Aungul) и Дромунд пришли в Миклагард тогда, когда уже был большой прилив туда северных людей, и именно при Михаиле Каталаче (то есть Калафате). (См. Grettla-saga ved S. Magnussen, Kjobenh, 1852. Критический текст дал Воер 1900 (Altnord. Sagabibl. VII), гл. 86, р. 294 sq. Ср. Moller-Lachmann I, 189).

После этого мы имеем полное право утверждать, что исландские саги не подтверждают предположение, высказанное г. Гедеоновым и потом принятое другими. Первые норманны, служащие в византийской гвардии и носящие имя варягов, не были варяги-скандинавы, ушедшие в 980 году из Киева, а другие, отправившиеся туда позднее и нам известные поименно²⁷.

Нельзя, однако, оставить без внимания следующего соображения, подсказываемого некоторыми выражениями в приведенных выше отрывках. Норманны, приходящие из Норвегии и Исландии, как будто отличаются от других варягов, или варангов. Варяжская дружина, как на Руси, так и в Миклагарде, существует ранее их, ранее Болле Боллесона и ранее Вига-Стира. И. Олафсон, вышеупомянутый переписчик и воссоздатель Вига-Стировой саги, отметил старинные выражения и обороты, в ней встречавшиеся. В его эскерптах прямо замечено, что в подлинной саге норманны часто отличались от вэрингов (Saepius eru Nordhmenn distingueradir fra Vaeringjum. Islandinga Sogur, II, 481).

Из кого же состояла варяжская дружина в Царьграде по вступлении в нее норвежцев, и кто составлял варяжскую дружину на Руси, помимо норманнов?

Ответ на это может быть двоякий. Норманисты должны сказать, что и здесь, и там это были шведы, то есть что когда исландская сага говорит о первом норманне, вступившем в общество варягов, и когда она отличает в русской варяжской дружине, как особую составную часть, норманнов, то при этом под норманнами она понимает только норвежцев, живущих на самом полуострове и в Исландии, выключая отсюда шведов. Шведы, следовательно, могли и ранее быть варангами в Константинополе, точно так, как на Руси они были долго первыми и единственными варягами. Мы думаем, что такое положение будет очень трудно доказать. Выражение «нордманны, Nordhmenn» в сагах употребляется в двояком значении. В первом,

²⁵ Если верить хронологии самой саги (а нет никакого основания не верить ей), то пребывание Гриса в Константинополе должно относиться к более раннему времени. Разговор, отрывок которого приведен в тексте, происходил никак не позже 994 года, так как лишь после него и после свадьбы Гриса и Кольфинны, которую любил Галльфред, последний уезжает в Норвегию, где застает еще в живых ярла Хакона, умершего в 995 г. А в этом разговоре о пребывании Гриса в Миклагарде говорится как о событии прошлом. Оно должно относиться поэтому к 985–993 годам.

²⁶ Прибытие в Константинополь как Торстейна Дромунда, так и Торбиорна Онгула определяется сагой 1032–1033 годами.

²⁷ Аргументация Василия Григорьевича, поскольку она основана на материале исландских саг, содержит в себе несколько недоразумений и в некоторых своих частях значительно устарела. Безусловно неверен исходный ее пункт, основанный на слишком большом доверии к рассказу Лаксдэльской саги: Болле Боллесон никоим образом не может считаться «первым норманном, вступившим в военную службу к византийскому императору», даже если мы припишем эпизод о нем устному преданию (см. выше, с. 1871). Утверждение саги об этом либо сознательно тенденциозно, либо основано на недоразумении. Вследствие этого и общий вывод Василия Григорьевича, направленный против Гедеонова, теряет свою силу. Саги, знающие норманнов в Византии с 80-х годов X века, косвенно скорее подтверждают догадку Гедеонова. Прямых доказательств, однако, саги ни в том, ни в другом направлении не дают.

обширном значении оно обнимает не только всех жителей Скандинавского полуострова, но также датчан и, само собою разумеется, исландцев. Когда нужно, несомненно, и ясно отличить между норманнами норвежца, тогда в сагах употребляются выражения *Austraenn* или *Noregsmenn*. Второе, более тесное значение слова «норманн», или, собственно, *nordhmadhur*, *poftgaenn*, действительно, исключает датчан, шведов и готов, но оно исключает также и всех людей норвежского племени, поселившихся вне Норвегии, то есть между прочими исландцев [а означает одних жителей Норвегии]²⁸. Ясно, что в этом втором значении слово «норманн» не могли быть приложено к Болле Боллесону, родившемуся в Исландии и отправившемуся в Византию из Дании. Следовательно, выражение «норманны» в Лаксдэльской саге мы должны принимать в широком значении. Болле был первый скандинавский норманн, вступивший в варяжскую дружину. Притом с предполагаемым нами норманно-шведским толкованием мы все-таки недалеко уйдем в византийской истории варяжского военного корпуса. Все-таки останется несомненным, что этот корпус является в Константинополе очень поздно, на глазах вполне ясной истории, которая и отмечает шведов в составе варангов, как скоро они в нем оказались (шведы упоминаются в числе варангов, но только несколько позднее и наряду с другими – в саге об Олафе Святом и о Гаральде)²⁹.

После этого нам понятно будет, почему даже в исландских сагах норманны XI столетия, приходящие на службу русского князя, «отличаются» от прочих врягов.

Обращаясь к византийским варангам, мы заранее можем высказать ожидание, что и там нас встретит такое же явление, то есть что и византийский военный корпус варангов вовсе не состоял из одних только норманнов-скандинавов, даже, быть может, норманны составляли небольшую его долю. Теперь для нас всего важнее то, что норманны, то есть исландцы, норвежцы, а потом шведы, вступают в Константинополь уже в готовое «варяжское общество». Вопрос, поставленный в начале главы, остается пока нерешенным. Мы не приняли сопоставления, сделанного г. Гедеоновым, между варягами, отправившимися из Киева в 980 году, и византийскими варангами 1034 года, на том преимущественно основании, что этих варягов г. Гедеонов считает норманнами, а норманны появились в составе византийской варяжской дружины гораздо позднее 980 года: мы определенно знаем, когда именно. Но если варяги существуют в Константинополе ранее 1020 года, ранее первого появления среди них норманнов, то, во-первых, кто же они были? А во-вторых, и это для нас теперь главное, когда же был сформирован знаменитый варяжский корпус в Византии? Можно, конечно, оставить объяснение г. Гедеонова, подвергнув оное небольшому видоизменению. Варяги, отправившиеся в 980 году из Киева в Царьград, не были норманны, а или те самые венды-славяне, которые, по теории г. Гедеонова, в сущности, и были настоящими и основными варягами, или просто русские – славяне, без сомнения, также вступавшие в киевскую варяжскую дружину. Но мы уже указали трудности, какие встретит такое толкование. Нужно будет предполагать, что Василий II не послушался совета, поданного киевским князем. Нужно будет доказывать, что именно варяги – пришельцы, которые все-таки были в киевской варяжской дружине и, по-видимому, только что приведены были Владимиром из-за моря, остались на Руси, а ушли свои русские, которым приходилось расстаться с родиной. Можно здесь прибавить и еще одно соображение, помимо других, которые пусть лучше подразумеваются. В 988 году русский князь Владимир находился в открытой вражде с Византийской империей; взятие в этом году Херсона известно как из русской летописи, так равно из византийских источников (Лев Диакон)³⁰. Что же в этом году сделалось с отрядом варангов, находившимся в Византии и состоявшим исключительно из

²⁸ См. об этом в превосходной статье К. Маурера «Ueber die Aus-drucke altnordische, altnorwegische und islandische Sprache», примечание 71 на с. 705, в *Abhandlungen der Bayer. Akademie der Wissenssch. Philol. Classe*, Bd. XI (1867 г.). Там приведено много примеров того и другого словоупотребления.

²⁹ Здесь мы опустили несколько строк, которые в экземпляре Василия Григорьевича зачеркнуты.

³⁰ Одна и та же комета предвещала для Льва Диакона и возмущение Варды Фоки (987–989 гг.), и взятие Херсона русскими.

русских? После, при подобных случаях, отправляли варангов подальше из Константинополя: но мы не видим, чтобы в 988 году была принята такая мера. Правда, можно заметить, что в 988 году русские не угрожали самому Константинополю, как это было в том нашествии, которое мы подразумеваем. Но, во всяком случае, есть очень ясные указания, что зимой 987–988 годов не было в Цареграде русских, а если они здесь явились в продолжение года, то это были не прежние и старые пришельцы, а новые. Именно после взятия Херсона и после женитьбы Владимира на греческой царевне Анне русские в Византии являются вновь, после перерыва, бывшего следствием Болгарской войны Святослава. Наши русские историки и ученые разыскатели, гоняясь иногда за призраками, пропустили и пропускают без внимания факт громаднейшей важности в истории не только русской, но и всего Севера. Этот факт мы выражаем написанием следующей главы нашего исследования.

Глава III. Шеститысячный русский корпус в Константинополе в 988 году

На первых страницах истории Михаила Пселла, начинающейся со смерти Цимисхия и, таким образом, служащей прямым продолжением Льва Диакона, рассказывается о возмущении Варды Фоки против Василия II: неприятели дошли до самой Пропонтиды и расположились лагерем на другой стороне моря, в виду Константинополя. Тогда: «Император Василий убедился в нерасположении к нему греков, и так как незадолго пред тем к нему пришел от тавроскифов значительный военный отряд, то он, соединив их вместе и устроив другую наемную силу, выслал (их) против расположенной на другой стороне фаланги»³¹.

Что под тавроскифами здесь разумеется русь, это не требует никаких доказательств. В таком смысле это слово употребляется у Льва Диакона, к последним страницам которого примыкает, как продолжение, труд Михаила Пселла. У других позднейших историков мы сейчас увидим именно русь при рассказе о том же самом факте. Приведенное нами место представляет неопределенность и неясность не относительно национальности «значительного военного отряда», а совершенно в других отношениях. Возмущение Варды Фоки падает на 987–989 годы; военные действия, в которых участвуют русские, не многим предшествуют апрелю 989 года, когда Фока умер, а его армия рассеялась³²

³¹ Mich. Psell. ed. Satbas, Bibl. gr. med. aevi, IV, p. 10.

³² День смерти Варды Фоки отмечен у Кедрина (vol. II, p. 446 Bonn.) в апреле 647 (989) года. Дельфин разбит несколько ранее того – в феврале или самом начале марта того же года. Это видно из отчетливого рассказа армянского историка Асохика (перевод Эмина, с. 479). Сражение около Скутари полагается в 988 году, но это год мартовский. Непосредственно за тем читаем: «...с наступлением (989) следующего года – время стояло весеннее – царь Василий отправился» против самого Фоки. На Муральта полагаться нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.